

Ор 84
4-63
А-375521

АЛЕКСАНДР ЧИНЕНКОВ

Урал- БАТЮШКА

Форпост в степи

Урал-
БАТЮШКА

ор 84
4-63
ор 84

84(2-441.2)6-4
+ ор 84.5

АЛЕКСАНДР ЧИНЕНКОВ

Форпост в степи

а - 345521

у нас 20/67

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
«Вече»

Часть первая

САКМАРСКИЙ ГОРОДОК

1

Лука Барсуков подошел к лошади и высоко занес ногу, чтобы вдеть ее в стремя. Казак ухватился за луку седла, перемахнул другой ногой через круп лошади и уселся верхом.

Этот момент он любил больше всего, ибо всякий раз в голову приходила мысль, что он не простой казак, а офицер-дворянин или даже сам императорский полководец, фигура грозная, сиятельная и весомая: расшитый золотом мундир, скрывающие грудь боевые ордена; на плечах — эполеты с бахромой; на голове — папаха. А на левом боку покачиваются отливающие серебром ножны сабли.

Но это лишь несбыточные мечты. Лука тяжело вздохнул, встряхнул головой и, вспомнив о документе, непроизвольно коснулся ладонью груди. Пакет, переданный атаманом еще вечером, надежно хранился у казака. О документе знали только он, Лука Барсуков, и атаман, доверивший ему этот важный документ.

Казак повертел головой — как всегда, когда брался исполнять что-то важное и ответственное, вытянул вставленную в стремя ногу и на минуту представил себе, как входит в кабинет губернатора. Увидев себя гордо стоящим с высоко поднятой головой перед самим генералом, Лука улыбнулся и чуть шевельнул ногой, подшпоривая недовольно фыркнувшего под ним гнедого.

Барсуков тронул повод и отъехал от ворот.

Уже светало, и шел мокрый снег попеременно с дождем. Весна теснила зиму, но та еще всячески сопротивлялась.

Казак от двора сразу мог повернуть налево и добраться до переправы через реку кратчайшим путем, однако он позволил себе сде-

лать небольшой крюк по главной улице городка. Эта дорога была окольной, но она вела по оживленной, особенно в утренние часы, улице: его могли увидеть люди, идущие в церковь. И Лука неизменно испытывал удовольствие, когда перехватывал полные любопытства взгляды молодых казачек. Вот и сегодня он не преминул сделать крюк, хотя из-за плохой погоды не надеялся увидеть Авдотью Комлеву, по которой давно и безнадежно сохло его пылкое сердце.

Лука вздохнул: не повезло. Собственно, не повезло прежде всего Авдотье, потому что его не увидела. Она не знает, что по улице проскакал лихой посланец атамана, что в пакете, который сжимает под мышкой, он везет нечто такое... такое, что, возможно, заставило бы строптивую красавицу взглянуть на Луку не насмешливо, как обычно, а уважительно. Что тайлось в послании атамана, Лука не знал, но наверняка это должно быть что-то значительное. Атаман пустые писульки отправлять самому губернатору не посмеет. Казаку очень хотелось стать сегодня вестником какого-либо судьбоносного события, о котором впоследствии узнает весь городок или, по крайней мере, Авдотья. И тогда она, наверное, скажет: «Э-э-э, да, может быть, это благодаря Луке сее благостное свершилось...»

Проезжая дома Куракиных и Тушкановых, расположенные в конце улицы, Лука осмотрелся. Вокруг не было ни души. Между тем мокрый снег сменился мелким дождем. Капли проникли за воротник, и казак зябко поежился. Путь до Оренбурга был недалек, но скакать под моросью...

Юноша бросил тоскливый взгляд на пасмурное небо, перекрестился и, взмахнув нагайкой, заставил коня перейти с рыси на галоп. Так вот и началось судьбоносное путешествие «атаманова порученца»...

* * *

Выслушав казака, слуга куда-то ушел. Вместо него поспешно явился господин в штатском — он не поздоровался с казаком, а Лука не поздоровался с ним — и взял у него пакет. Вскоре тот вернулся. Казак прямо-таки физически ощущал, как слетает с него недавняя спесь. Штатский смотрел куда-то мимо Барсукова, а он, со своей стороны, равнодушным взглядом скользил сверху вниз по фигуре штатского.

— Вот тебе рубль, служивый, и вертайся домой.

Незнакомец вложил в ладонь Луки монету и, развернувшись, исчез. Появившийся слуга указал казаку на дверь и вкрадчиво, словно боясь его обидеть, сказал:

— Передай атаману, что господин губернатор благодарит его за службу. Пусть и впредь не теряет бдительности.

Чувство, которое испытал Лука, оказавшись на улице, было похоже на отрезвление. Он уже не ощущал себя великолепным, знатным воином. Вот если бы можно было как-нибудь...

Казак понимал, что его грезы и желания нелепы, неисполнимы, и все же не мог не позволить себе помечтать о том, как однажды ему представится случай появиться во всем воображаемом великолепии дома. При этом он не имел в виду дом родителей. Другое дело — подъехать ко двору Авдотьюшки: немного подождать, когда она выглянет в окно, а из своих домов повыскакивают любопытные соседи. И только после этого спрыгнуть с лошади, да так, чтобы сабля хорошенько звякнула, а к тому времени найдется не один мальчуган, который будет счастлив, что ему позволят подержать коня геройского казака. А Лука будет уже подходить к крыльцу, топая так, чтобы шпоры звенели; дверь приоткрылась бы, и оттуда вышла бы порозовевшая от смущения, прячущая глаза Авдотья. И она увидит, какой он высокий и статный — чтобы войти в дом, ему придется даже снять папаху и наклонить голову. А вслед ему донесется восхищенное шушуканье ослепленных его бравым видом соседей...

— Ай, казак, дай погадаю, всю правду скажу: где невесту найдешь, как жить будешь.

Лука мгновенно освободился из плена грез и увидел перед собой цыганок. Одна из них была пожилая, другая — совсем молоденькая.

Казак к цыганской ворожке относился настороженно, поэтому ответил:

— Для чего мне искать невесту, невеста у меня уже имеется.

— Ой, пригожий, не говори так. — С этими словами старая цыганка взяла руку Луки и повернула ладонью вверх. — Видишь, куда ведет эта линия?

— А откель она ведет? — спросил Лука.

— А ведет она, золотой, совсем в другую сторону от твоей невесты. И свое счастье найдешь ты в той стороне и будешь жить хорошо, но тревожно. И со временем... позолоти ручку, красивый, всю жизнь твою расскажу.

Лука невольно заинтересовался и отдал цыганке рубль, который вручил ему человек губернатора и который он перед возвращением домой намеревался проесть в кабаке.

— И со временем, — продолжала ворожея, — ты встретишься с государем. Я тебе дальше скажу, пригожий, как обласкан ты будешь милостью государевой, станешь богатым, позолоти ручку.

Казак понял, что представление пора заканчивать, и почти силком вырвал руку, потом взглянул на молодую цыганку и неожиданно сказал:

— Пусть она мне погадает.

— Пусть погадает, — сказала старшая, загадочно улыбнувшись и отошла в сторону.

Девушка сняла с головы платок и повязала его вместо пояса. Темные волосы рассыпались по округлым плечам. Она спокойно взяла одной рукой Луку под локоть, а второй повернула ладонь кверху.

Ее руки были мягкими и прохладными. Когда Лука посмотрел на нее, увидел серьезный взгляд бездонных черных глаз, небольшой, с горбинкой нос и полуоткрытый рот с красиво очерченными губами. Она что-то говорила, водя указательным пальцем по его ладони, но Лука почти не слушал, неотрывно глядя на девушку. Наконец юноша очнулся и спросил, о чем она так долго рассказывала.

— Вот непонятливый, да все о твоей невесте!

Лука попросил вкратце повторить и, когда она обрисовала портрет его девушки, серьезно сказал:

— Слушай, так она на тебя похожа!

Цыганка недовольно отбросила его руку и, надув губы, отвернулась. Казаку стало жаль ее:

— Послушай, красавица, сейчас золотить твою ручку мне нечем. Может, за так погадаешь?

Не получив ответа, он проводил уходящих цыганок печальным взглядом и вскочил на коня.

— Ну что, Орлик, айда до дому. Жрать и пить теперь нам придется только в горшке.

Весна 1771 года застала русскую армию в окопах. Русско-турецкая война была в самом разгаре, и казалось, боевым действиям не будет конца. Враждующие стороны безжалостно истребляли друг друга...

Первое, о чем подумал, очнувшись, солдат — что он ужасно выглядит, и поручик Шкурин выйдет из себя и начнет визжать, как хрюк недорезанный. Такого с ним еще не случилось — так вывалиться в грязи...

Казак попытался встать, но руки по локоть увязли в жидкой грязи, а когда он провел ими по лицу, чтобы стереть пот, то почувствовал, что весь заляпался. Солдат ощупал тело, голову — вроде ничего! Но где его шапка?

Отсутствие шапки заставило его окончательно прийти в себя. Он выразительно матюгнулся.

Если бы его заботы ограничивались испачканной формой — чего бы он за это только ни дал! Даже проклятия охотно бы проглотил. Только бы не грязная лужа, в которой он валяется, как боров в жидком навозе.

Разрывы снарядов — два совсем близко, чуть не за его спиной, третий немного правее — заставили его прижаться к земле; всем телом, ладонями и лицом прильнуть к ее вязкой поверхности. В тот же миг на спину посыпались мелкие комья глины и камней.

Каких-нибудь несколько метров — и солдат мог бы разом избавиться от всех земных забот!

Казак свернулся в клубок, точно этим мог защитить то, что называл своей жизнью, что в нем отзывалось стуком сердца, горячим дыханием. Всем телом он ощущал ужас, от которого мысли кружились бешеной каруселью: «Не желаю помирать, не желаю, не желаю — только бы это не прибило меня, только б не попало...»

В ту же минуту что-то больно ударило его в бок. От короткого тупого удара тело напряглось, точно отвердевшими мышцами могло помешать проникновению боли внутрь. Но боль не пошла дальше ребер и быстро ослабла. Тут казак осознал, что кто-то кричит на него яростно, хриплым голосом, и крик этот доносится сверху.

— Хорунжий Пугачев, что развалился, как на бабе, скотина?

Он обернулся и увидел молокососа поручика Шкурина в забрызганной грязью форме, стянутой ремнем на широкой талии. Тот как раз собирался пнуть его под ребра. При этом он размахивал пистолетом и, перекрикивая грохот снарядов, вопил:

— Емеля, сукин сын!.. Прикажу заporоть тебя после боя батогами!

Как ни странно, но этот удар офицерского сапога буквально вышиб казака из плена смертельного страха. Пнуть сзади, да еще

лежащего, — это было неслыханное оскорбление, хуже удара кулаком в лицо; это было подло.

Пугачев стоял во всей красе перед вопящим офицером, перед этим недомерком, который, быть может, и ногтя его не стоит, а подпрыгивает перед ним да еще пистолетиком грозит.

У казака Емельяна Пугачева был независимый характер, что очень не нравилось его военному начальству. Особенно поручику. Между ними постоянно возникали столкновения. Но на этот раз...

— Не слишком-то размахивай пистолетом-то, а то ненароком рука отвяжется. Хотя ты и при должности офицерской, а я — ты хоть ведаешь, гнида, кто я таков? Я, поди, кровей почище твоих буду. Может случиться, еще на коленях будешь ползать за то, что оскорбил меня нынче? А чтоб не тянуть, за твое постыдное леганье сейчас я тебя...

Офицер, чья дрожащая рука наконец перестала дергаться, не успел нажать на курок. Он распрямился, и в следующую минуту его тучное тело сложилось пополам. Шкурин, уже мертвый, с раздробленной осколком снаряда головой, упал к ногам казака, испачкав его грязные сапоги брызнувшей кровью.

И сразу же в сознании Пугачева возникло: война. Война с грохотом разрывов, свистом пуль и фонтанами взметающейся земли — и нет этому кошмару конца.

Казак тут же снова упал на землю, чтобы прильнуть к ней, стать маленьким неприметным бугорком на ее поверхности.

Теперь он не мог себе представить, что минуту назад оказался способен в этом смертельном вихре подняться на ноги ради коротышки, который его оскорбил. Да разве имеет какое-то значение задетая честь? Что вообще означает честь в этой кровавой мясорубке? Честь поручика Шкурина размазана на его грязном сапоге вперемешку с кровью и землей. А его честь? Важнее всего — остаться в живых. Вот что сейчас главное.

Пугачев вдруг вспомнил рассказ погибшего Шкурина о царе Петре III. Казак отирался у госпиталя в ожидании перевязки и невольно подслушал разговор между поручиком и офицером из соседнего батальона. Этот рассказ почему-то прочно засел в его голове и стал для него пока еще смутной, но навязчивой идеей.

Он мало что осмыслил в пересказанной поручиком биографии Петра III, хотя запомнил почти каждое слово. Более всего отложи-

лось то, что государь издал указ об уничтожении Тайной канцелярии, с пренебрежением относился к духовенству. Также он запомнил, что супруга его, Екатерина, нынешняя императрица, — баба скверная и своенравная. Она захватила императорский престол, а самого Петра отослала в какую-то Ропшу, где он и скончался. Мысли о покойном императоре часто будоражили Пугачева. Он сам себе, бывало, по нескольку раз пересказывал эту историю, словно зная, что полученные сведения ему когда-нибудь пригодятся.

И тут... Казалось, оглушительный грохот битвы вдруг слился в единый взрыв, легко оторвавший казака от земли, как ураган вырывает деревья с корнями. Взлетев на воздух, он попытался ухватить пальцами пустоту, а потом острая боль вновь швырнула его на землю, раскаленным штыком пронзила голову. Пугачев успел осознать, что на него низвергается осыпь камней, комьев земли и грязи, а затем его глаза закрылись...

* * *

Когда-то давно в донскую станицу Зимовейская, где проживал Емеля со своими родителями, пришел юродивый. Маленький смешной старичок топал по снегу, улыбаясь беззубым ртом и дружески кивая каждому встречному.

Его появление в станице удивления ни у кого не вызвало: юродивые никогда не переводились на Руси.

Старичок, которого тут же прозвали Огрызком, вел себя как настоящий сумасшедший: не мылся, ходил босиком даже в лютые морозы, но никому не докучал. Казаки его почитали и немного побаивались. Огрызок мог без приглашения войти в любой дом и говорить с хозяевами о чем угодно. Считалось, что если человек божий коснется немытой рукой твоей головы или поцелует в губы — это к счастью. Если позволит потрогать свой «срам» — к исцелению от бесплодия. Но если вдруг прилюдно начнет раздеваться догола — к большой беде или неминуемой смерти.

При этом Огрызок был человеком добрым и безвредным, не обращал внимания на насмешки казаков, и его часто видели молящимся.

Он бродил по станице, смешил ребятишек, хулиганил перед казаками. Однажды Огрызок удивил всех.

— Деток жалко! Вижу: в огне они, в огне!

Целый день старичок бился в истерике. До крови расцарапал грязными ногтями лицо, а потом сорвал с себя одежду. На следующий день в доме казака Усачева случился пожар. Все его дети погибли...

Некоторое время спустя Огрызок пришел к умирающей жене Матвея Ногина. Прямо с порога юродивый бросился к смертельно больной женщине, стал целовать ее в губы, срывать с нее одежду.

— Постой, дурень! — завопил потрясенный увиденным Матвей.

— Сам дурень! — огрызнулся юродивый, продолжая обнимать умирающую грязными руками.

Затем он ушел так же неожиданно, как и пришел. А на следующий день женщина поднялась с кровати и без посторонней помощи вышла на улицу.

После этого случая казаки табуном ходили за юродивым, выклянчивая у него исцеление от разных болезней, но Огрызок лишь грубил им:

— Чего пристали... Ступайте вон!

С наступлением весны юродивый куда-то засобирался. Казаки уговаривали его остаться, но Огрызок лишь угрюмо отмалчивался и молился, не отводя глаз от иконы в доме Пугачевых. Наконец он подозвал к себе Емелю, положил ему руку на голову и вкрадчиво заговорил:

— Предначертано тебе, Емелюшка, быть в этой жизни большим человеком и великим воином. Тебя будет любить и почитать народ. Но бывать этому недолго. Опосля примешь ты смертушку лютую, страшную. А любовь и почитание по тебе народ сохранит на многие года...

Юродивый встал, поклонился Пугачевым и, выйдя за дверь, исчез, словно его никогда в станице и не было. Вскоре все забыли о его существовании, кроме Емельяна. Слова Огрызка глубоко запали в его душу.

* * *

Казака разбудил дождь, смочивший открытую голову и шею. Несколько минут он целиком был занят осознанием того, что жив. Жив! Ободрившись, принялся изучать: ранен, не ранен? Но решился на это не сразу, опасаясь узнать что-нибудь страшное. Продолжая лежать неподвижно, прислушивался, не ощутит ли где боль: живот, грудь, ноги — нет, руки и голова в порядке. Тогда он предпринял еще одну

попытку: попробовал совсем немного пошевелить сначала одной рукой, затем другой, потом повертел головой, подогнул левую ногу. Подгибая правую, почувствовал в бедре обжигающую боль.

Несмотря на рану, он должен был выбраться отсюда. Да только это не так просто.

Выбраться — значит встать с земли и тем самым подставиться под пули и осколки снарядов. От одной только мысли об этом пот выступил у него на лбу. Сильная усталость разливалась по телу. Он понимал, что не должен ей поддаваться, но после всего пережитого искушение было слишком велико. Только бы не сморил сон.

Дождь кончился. Вдруг казак заметил, что левая нога цепенеет от холода, а правой почему-то тепло. Жар разливался от бедра к колену, даже к икре. Сердце сжалось от страха. Пугачев резко согнул ногу, и правое бедро сразу же отозвалось острой болью. Он спешно расстегнул ремень и провел рукой по ноге, пытаясь нащупать место, источающее тепло. Пугачев поднес руку к глазам, вся она оказалась красной от крови. Да, да, это его кровь вытекает из тела, а с нею по каплям вытекает и жизнь. Он подохнет от потери крови, подохнет, как бродячий пес! На помощь бы кого позвать... Кричать надо, чтобы его услышали, надо сейчас же вскочить с земли и бежать назад, надо...

Между тем он все еще прижимался телом к земле, неподвижный, беспомощный.

Казак немного пришел в себя. Главное — не поддаваться страху и панике. Драть глотку, взывая о помощи, нет смысла, хотя кругом и тихо. Идти он не может: любое движение усилит кровотечение. Но что-то нужно было делать.

Пугачев вновь засунул руку в штанину и коснулся пальцами раны. Почувствовал легкую пульсацию крови, ударяющую в пальцы. Так, а теперь он крепко, со всей силой, прижмет пальцы к ране. Казак настороженно ждал. Кажется, удалось. Только не ослабить нажатие, выдержать? Напряженные пальцы быстро начали уставать. А это означает...

Казак почувствовал острое желание оставить в покое рану и хоть немного передохнуть. Пугачев старался не шевелиться, не усиливать кровотечение. Только бы не заснуть, как бы ни хотелось сомкнуть веки! Заснешь — погибнешь. Умирать еще рано. Он еще не сделал того, о чем ему говорил юродивый, и твердо верил, что смерть не заберет его под свист пуль и грохот взрывов.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66